

«СЕЙ ДЕНЬ ПРЕБУДЕТ ВЕЧНЫМ ПАМЯТНИКОМ...»

15 часов из жизни М.И.Кутузова

Лидия Ивченко

11 августа 1812 года светлейший князь генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов покинул свой дом в Петербурге, куда ему более не суждено было вернуться. «Дело решено, — рассказывал он накануне генерал-адъютанту Е.Ф.Комаровскому, — я назначен главнокомандующим, но, затворяя уже дверь кабинета... я воротился и сказал: «*Mon maitre, je n'ai pas un sou d'argent*» («Государь, у меня нет ни копейки денег» — фр.). Государь пожаловал мне 10 000 рублей». Александр I прислал также полководцу дорожную карету и коляску, «чтобы герой под сединами» (В. Жуковский) мог отправиться к армии.

Он получил назначение на этот пост в тяжелых бедствиях и испытаний. «Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожара», — вспоминал Ф.Н.Глинка в «Очерках Бородинского сражения». Кутузов сознавал, какой тяжкий груз он взвалил на свои плечи. С его именем были связаны надежды на переход к решительным военным действиям. Этого требовал от него государь, этого давно ждали армия и Россия. Когда он выходил из Казанского собора, по пути к карете народ теснился вокруг, умоляя: «Отец наш! Останови лютого врага! Спаси Россию!» Но не мог он также не сознавать, что из-за давней неприязни к нему государя назначение его состоялось довольно поздно, что усугубляло стоявшие перед ним трудности. «Да еще, Боже оборони, как поспеет он к шапочному разбору. Сильно достанется теперь Михайло Ларионовичу поправлять ошибки!» — писал современник.

М.И.Голенищев-Кутузов.
Художник Р.Волков. 1813 г.

Покидая северную столицу, Кутузов заверил Александра I, что «скорее ляжет костью, чем допустит неприятеля к Москве». Тогда еще ему неизвестно было настоящее положение дел с резервами и точное предписание государя армиям А.П.Тормасова и П.В.Чичагова, на содействие которых с флангов он рассчитывал. Наконец, пока не существовало и прямой угрозы Москве. «Господи!.. Об одном молю, благоволи мне застать еще Смоленск в наших руках», — шептал светлейший, сидя в тряской карете, мчавшей его навстречу армиям. 11 августа,

приняв из рук встречного курьера пакет на имя государя и вскрыв его с особого разрешения, Кутузов узнал, что Смоленск пал. 15 августа он пытался перехватить отступающие армии М.Б.Баркляя-де-Толли и П.И.Багратиона у Вязьмы, но в Вышнем Волочке местный земский исправник поразил его известием, что и этот город уже в руках неприятеля.

Кутузов всегда славился присутствием духа и был знаменит остроумием. С начала войны в обществах обеих столиц уже ходил очередной анекдот о том, как некто обратился к Кутузову с вопросом, какие, по его мнению, меры надлежит принять к защите Петербурга. Будущий «спаситель Отечества» живо отозвался: «Как? Вы требуете моего мнения для защиты Петрополя в самом Петрополе? За 500 верст должно приготовить ее; но вы, верно, ошиблись; верно, вы не то хотели у меня спросить». И вот теперь ему надлежало срочно готовить меры к защите другой столицы, находившейся гораздо ближе, чем в 500 верстах. Его почетное и высокое назначение в августовские дни 1812 года было совсем не завидным, но оно было ему по духу и по плечу.

Военный сановник екатерининских времен, кроме ума, здравомыслия, образования и «опытности, приобретенной на поле брани», обладал еще одной важной чертой характера, не заменимой в тех условиях. «Он был весел, равен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах», — вспоминал современник. 17 августа, прибыв к армии под проливным дождем, что само по себе уже являлось хорошей приметой, он приказал остановить карету перед первым же пуно бредущим полком. Светлейший вылез из кареты, взглянул в хмурые лица солдат, уставших от бесконечного отступления, и неожиданно весело и зычно окликнул их: «Боже! Кто бы мог меня уверить, что когда-либо враг наш мог сражаться на штыках с такими молодцами, как вы, братцы!» И подарил «братцам» 150 рублей из тех 10000, что пожаловал ему император. «Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках...», — вспоминал участник Бородинской битвы П.Х.Граббе. «Обращение его внушало уверенность», — заметил начальник дивизии Евг. Вюртембергский. А генерал —

ПРИКАЗ М.И. КУТУЗОВА ПО АРМИЯМ

25 августа 1812

Главная квартира при селе Бородине

№ 8

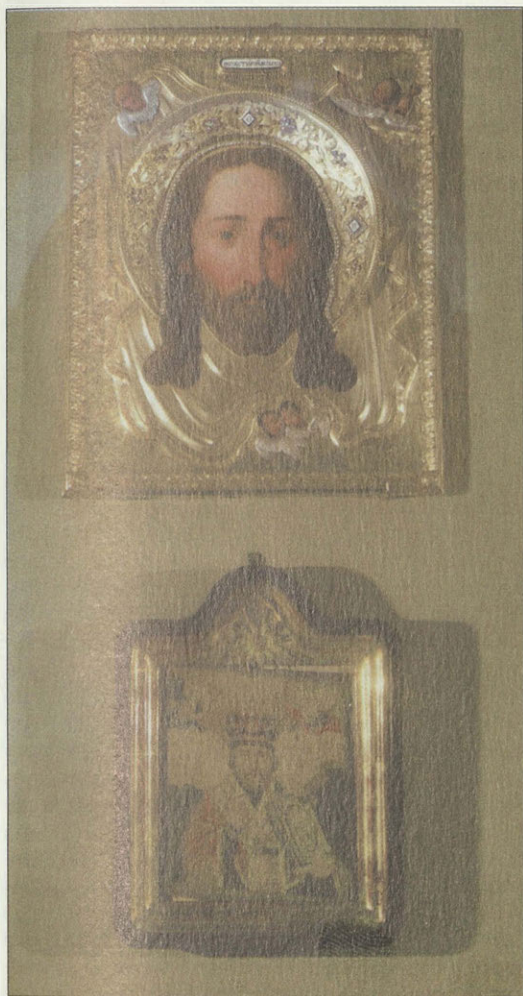
*Горячее дело, происходившее
вчера числа на левом фланге,
кончилось к славе российского
войска. Между прочим кирасиры
преимущественно отличились,
причем взяты пленные и пять
пушек. Предписываю объявить сие
немедленно войскам.*

немец К.Клаузевиц — по-своему расценил восторг войск: «Простой, честный, но ограниченный Барклай был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей». Да разве он был легкомысленным?

В то время Кутузову уже ясно представлялась труднодостижимость такой цели, как защита Москвы. Впрочем, и не ему одному. Так, Багратион, которого трудно заподозрить в нерешительности, откровенно сообщал в

письме московскому генерал-губернатору Ф.В.Ростопчину: «Ежели неприятель был подалее, тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени как идти на него». «Как идти на него?» Этот вопрос занимал Кутузова с той минуты, как он узнал о падении Смоленска. «Ключ от Москвы взят», — произнес он тогда. И не потому, что ему хотелось обидеть своего предшественника Барклай-де-Толли, а потому, что неприятель был уже у стен Москвы и требовались чрезвычайные меры. «Теперь я обращаю все мое внимание на приращение армии», — писал полководец тому же графу Ростопчину. Надежды Кутузова на «вторую стену» московских ратников таяли с каждым днем. Ростопчин их просто не собрал. Государь также воспретил ему присоединять к армии вновь формируемые полки Клейнмихеля и Лобанова-Ростовского, рассчитывать на помощь армий Тормасова и Чичагова, порекомендовав опираться «на усердие и ревность войск» и «собственную опытность и прозорливость». Кутузов понял, что в день генеральной битвы он едва ли будет располагать равенством в силах с неприятелем, но не считаться с настроением армии он не мог. Тем более это было и его собственное настроение. По образному выражению мадам де Сталь, он был истинный российский барин, «вельможа в Петербурге и татарин в армии». В нем всегда жила память о победах в царствование Екатерины II, которая называла его «мой Кутузов». Он любил крепкие выражения и считал, что «собачий сын», как он неоднократно именовал Наполеона (всегда признавая его великим полководцем), должен дорого заплатить за вступление в Москву. «Я доньне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию», — писал Кутузов Ростопчину 22 августа от стен Колоцкого монастыря. На следующий день армия стала выходить на позицию при селе Бородине «в 12 верстах впереди Можайска». По преданию, в день, когда Кутузов впервые ее объезжал, над ним парил орел, предвещающая победу. «Куда он, туда и орел», — вспоминал ординарец полководца А.Б.Голицын. «Если и нельзя было надеяться на верную победу, то, по крайней мере, можно было причинить неприятелю потери, для него невознаградимые», — так впоследствии с полным пониманием замыслов Кутузова писал фельдмаршал И.Ф.Паскевич. Но в те дни Кутузов был один на один со своими сомнениями в отношении участи Москвы, хотя исподволь готовил окружающих к худшему: «Если буду побежден, то пойду к Москве».

Своеобразие положения Кутузова заключалось в том, что его ближайшие сподвижники подчас относились к нему слишком враждебно, — это отразилось в их письмах и воспоминаниях. «Хорош и сей гусь, который на-

Вверху — «Спас Нерукотворный»,
полковая икона Ревельского пехотного полка.
Конец XVIII в.

Внизу — «Николай Чудотворец»,
походная икона М.И.Кутузова.
Вторая половина XVIII в.

зван и князем, и вождем!» — не сдерживал гнева Багратион. Его обида на Кутузова восходила к русско-турецкой войне 1806–1812 годов и была не лишена оснований. Но открытая солдатская натура Багратиона все же взяла верх над враждой в канун великой битвы. Ему импонировала решимость Кутузова «отдаться на произвол сражения». «Шельма лезет, есть надежда, что мы побьем их плотно. Войска, знаю, в страшном духе и мы все: истинно только и нужно, чтоб дали волю», — так выразил Багратион чаяния армии. С гораздо большим раздражением воспринимали все распоряжения Кутузова главнокомандующий 1-й армии Барклай-де-Толли и начальник Главного штаба генерал от кавалерии Л.Л.Беннигсен. Первый явно болезненно воспринимал необходимость подчиняться Куту-

зову. В день сражения Барклай занимала проблема, о которой он поведал царю: «Мне еще не известно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра». Беннигсен возвратился в армию вместе с Кутузовым по повелению Александра I, почему-то считавшего их близкими друзьями. Вероятно, потому, что не любил их обоих. «Длинный Кассиус», как назвал Беннигсена Гёте за причастность к убийству Павла I, сам именовал себя «победителем непобедимого», имея в виду свои прежние заслуги в столкновениях с Наполеоном в 1806–1807 годах. «Из честолюбия и отчасти из самолюбия, которое всегда должно быть присуще военному, мне было неприятно служить под начальством другого генерала, после того, как я командовал против Наполеона и самых искусных его маршалов», — признавался Беннигсен. На Бородинском поле все трое экс-главнокомандующих оказались в подчинении Кутузову, что требовало от него особого такта в принятии решений. «Сравнение власти и положения во главе своих армий Наполеона и Кутузова является более чем не в пользу последнего», — констатировал историк Б.М.Колубакин.

Накануне битвы много внимания уделялось выбору места, подходящего для такого события. Кутузов назвал позицию при Бородине «одной из наилучших, какие только на плоских местах найти можно». Барклай в письме к царю отозвался о ней отрицательно, полагая, что светлейший оставил прежде избранную им, Барклаем, позицию у Царева Займища из опасения, что «по разбитии неприятеля слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию». Беннигсен также писал, что «не говорил о Бородине как о выгодной позиции, но полковник Толь, назначенный главнокомандующим на должность генерал-квартирмейстера, избрал ее для сражения». Князь Багратион 24 августа, накануне боя при Шевардине, обратил внимание Кутузова на то, что его левый фланг подвержен явной опасности обхода по Старой Смоленской дороге. Прислушавшись к его мнению, Кутузов приказал отодвинуть левый фланг за Семеновский овраг, хотя у него, по видимому, было предчувствие, что Наполеон откажется от флангового движения значительными силами из опасения спугнуть русских. Французский полководец слишком долго стремился к сражению. Очевидно, Багратион был относительно удовлетворен позицией у дер. Семеновское — во всяком случае, начальник его штаба генерал-лейтенант Э.Ф. де Сен-При отозвался о ней благожелательно. Как подметили французы, этот участок позиции давал возможность не только обороняться, но и нападать самим, что соответствовало духу Багратиона. Вообще, чем дальше отстояло лицо от штаба главнокоман-

дующего, тем беспристрастнее оно оценивало выбор позиции, на которой русские войска готовились встретить неприятеля. Начальник артиллерии А.И.Кутайсов говорил, что «и перед самой Москвой мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою».

25 августа почти все генералы съехались на Курганной батарее Раевского, которую генерал Беннигсен несколько раз назвал «ключом всей позиции». Здесь между Беннигсеном и полковником Толем, которому Кутузов особенно доверял, завязалась очередная дискуссия в присутствии многих офицеров и даже солдат. Спорили о том, как надлежит укрепить центральную высоту. Беннигсен предлагал соорудить сильный редут, Толь считал нужным просто включить высоту в общую линию обороны. Кутузов молча кивал головой, соглашался с обоими и предпочел в конце концов мнение Толя. Для себя он уже решил главное. На любой позиции, при любом исходе битвы ее последствием явится отступление. Всех подкреплений, с которыми он стремился сблизиться, он уже достиг, других у него пока под рукой не было. Остановившись перед одним из полков, наблюдая, как солдаты чистили амуницию, он неспроста обронил фразу: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать». Главная цель сражения для Кутузова заключалась в том, чтобы не дать себя разбить, сохранить боеспособную армию и вовремя увести с поля боя войска, которые не должны были усомниться в своей победе. Ради этого стоило стоять насмерть. Об этом он говорил, объезжая полки, «дабы со всеми ими познакомиться»: «Ребята!.. Придется вам защищать землю родную; надо служить верою и правдою до последней капли крови; каждый полк будет употреблен в дело; вас будут сменять как часовые чрез каждые два часа; я надеюсь на вас, Бог нам да поможет! Отслужите молебен». С полудня по фронту пронесли следовавшую от Смоленска икону Божией Матери, и вся армия, включая Кутузова, с чувством глубокой веры и умиления поклонялась чудотворному образу.

Особое значение в планах Кутузова приобретала Новая Смоленская дорога, где он и расположил главные силы, которые в случае необходимости могли служить подкреплением войскам 2-й армии Багратиона, занявшей более слабый участок позиции у деревни Семёновское. Впрочем, и там, по свидетельству И.Ф.Паскевича, «фронт позиции был защищен сильными батареями», хотя нельзя отрицать и того, что были они «наскоро сложены».

Но только утро засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй...

Кто из нас не помнит этих строк, без которых с детства мы не мыслим себе историю России? «26-го числа в четвертом часу поутру меня разбудило ядро неприятельское, — вспоминал видный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, бывший в Бородинском сражении адъютантом Кутузова. — Я вскочил ото сна... спросил, встал ли светлейший, и получил ответ, что он уже уехал. Я догнал его на возвышении при селении Горках». Именно там провел полководец долгие 15 часов сражения, в котором «российское войско увенчало себя бессмертною славою!» Он сразу же бросился в глаза на фоне других военачальников со свитами в парадных мундирах. Кутузов, по обыкновению, был в сюртуке без эполет, в белой фуражке с красной выпушкой без козырька; офицерский шарф на нем был надет по-старинному через левое плечо, также на плечо была накинута нагайка. Он то находился в седле своего белого широкогрудого и длиннохвостого коня, то, уставая, слезал с него, наступал сперва на скамеечку, подставляемую «проворным донцом», на которую полководец тут же садился. Тогда он брал в правую руку нагайку, по привычке помахивал ею или чертил что-то на песке. Говорят, у него была также привычка часто потирать руки, если он был доволен. Историки давно уже избрали предметом обсуждения состояние здоровья императора Наполеона. Известно, что накануне он простыл и его мучил насморк, был у него ряд и других недугов, в связи с чем ему не хватило энергии в битве. Как-то забывается, что его противником был 67-летний человек, которому оставалось жить всего 8 месяцев. Он потерял один глаз вследствие двух сквозных ранений в голову, от чего страдал сильными болями. Слишком тучный, он «страдал расслаблением в ногах» и передвигался «как на лыжах». «Глядя на него, я боялась, что ему не хватит сил бороться против жестоких и молодых мужичи, которые ринулись на Россию со всех концов Европы», — писала мадам де Сталь. Кроме сильного врага, «возгордившегося победами», Кутузову следовало победить неприязнь императора, интриги недоброжелателей, наконец, свой собственный возраст, «который не позволял ему надеяться пережить трудности кампании, но есть моменты, когда человек должен умереть, чтобы дать успокоение душе» (А.-Ж. де Сталь).

Пока не рассеялся утренний туман и слышна была лишь редкая перестрелка, Кутузов скрывал беспокойство, связанное с неизвестностью, куда неприятель поведет атаку. Генералы Барклай, Беннигсен, Ермолов утверждали, что с самого начала предвидели угрозу левому флангу. Однако тот же Ермолов, накануне обозревая с Кутузовым пози-

Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения.
Художник С.В.Герасимов. 1962 г.

«26 августа 1812 г. Рисовано во время самого Бородинского сражения».
Художник А.И.Дмитриев-Мамонов

цию неприятеля, отметил: «По превосходству повсюду было их достаточно». Поэтому многие свидетельства имеют существенный недостаток: они появились уже после битвы, накануне которой все не было так очевидно, как представлялось потом. Да, Кутузов действительно опасался за свое правое крыло и Новую Смоленскую дорогу, потому что только по ней он мог увести войска в случае неудачи. Да и сама удача была сопряжена с большими потерями и в конечном счете должна была закончиться отступлением. Он действительно слишком долго удерживал здесь основные силы, но и его главный оппонент Беннигсен утверждал, что «фронт позиции был прикрыт жалкими речушками, которые везде можно было перейти вброд», и подчеркивал, что оба фланга подвергались опасности обхода. Тот же Беннигсен поначалу полагал, что Старую Смоленскую дорогу легко смогут удерживать егеря и ополченцы, тем не менее Кутузов направил туда в ночь перед битвой 3-й пехотный корпус. И разве не Барклай вместе с Толем указывали главнокомандующему на опасные маневры 4-го корпуса Богарне в обход нашего правого крыла?

Но, безусловно, Кутузов учитывал возможность и даже неизбежность сильного натиска неприятеля на левом фланге. Он как бы сам вызывал Наполеона на лобовую атаку на этом участке (батарея Раевского — деревня Семеновское), где почти лишенная естественных препятствий местность наиболее этому способствовала. «Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду на успех», — так формулировал полководец свои размышления. Риск был, однако, велик. Если Наполеон почти не скрывал своих намерений, можно было предвидеть, с какой яростью он попытается прорвать здесь оборону. «Наши силы представлялись этому генералу (Кутузову. — Автор.) в виде колонн, направленных на его центр», — писал генерал Пеле. Кутузов сознавал, что, имея дело с таким противником, как Наполеон, он должен быть готовым отовсюду парировать удар и, возможно, даже не один, о чем свидетельствовало начавшееся с рассветом движение неприятеля против правого крыла. Тогда все внимание обратилось на село Бородино. Между Барклаем и герцогом Александром Вюртембергским разгорелся спор: Барклай считал бесполезным удерживать село, герцог придерживался противоположного мнения. Кутузов не вмешивался в их прения, прислушиваясь к учащенным артиллерийским залпам на левом фланге, скрытом пока густым туманом. Он опасался, что, по образному выражению Ф.Н.Глинки, Наполеон попытается «заломить сразу оба наши крыла». Тем временем неприятель-

ская колонна внезапно напала на лейб-егерей у Бородина. Туда немедленно устремился Барклай, за ним Беннигсен и «русский витязь» Ермолов. По мнению Кутузова, их усилий было вполне достаточно, чтобы выправить положение на этом участке фронта. «Видно было, что не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий».

Когда утренний туман рассеялся полностью, Кутузов и все, стоявшие рядом с ним, увидели «картину изумительную». Правое крыло наше, стоявшее на высотах, было залито солнцем, а над левым флангом уже нависло густое черное облако порохового дыма. Князь Багратион через адъютантов потребовал немедленных подкреплений, утверждая, что все силы неприятельские устремились на деревню Семеновское. Кутузов же пока был уверен, что принял достаточные меры для защиты левого крыла. Он полагал, что Багратион с войсками 2-й армии отобьет первый натиск наполеоновских войск силами своего частного резерва, состоявшего из 2-й гренадер-

М. И. КУТУЗОВ — Ф. В. РОСТОПЧИНУ

№ 70

26 августа 1812

Место сражения при селце Бородине

*Милостивый государь мой
граф Федор Васильевич!*

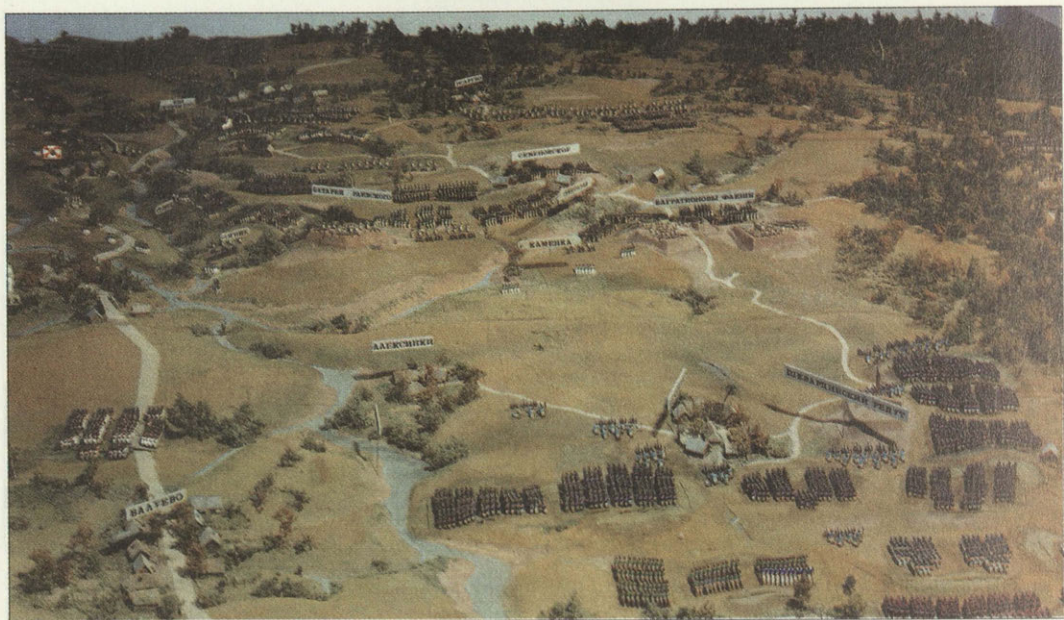
*Сего дня было весьма жаркое
и кровопролитное сражение.
С помощью Божиею русское войско
не уступило в нем ни шагу, хотя
неприятель в весьма превосходных
силах действовал против него.
Завтра надеюсь я, возлагая мое
упование на Бога и на московскую
святую, с новыми силами с ним
сразиться.
От Вашего Сиятельства зависит
доставить мне из войск, под
начальством Вашим состоящих,
столько, сколько можно будет.
С истинным и совершенным
почтением пребываю Вашего
Сиятельства, милостивого
государя моего, всепокорный слуга
князь Кутузов.*

ской дивизии и 4-го кавалерийского корпуса, наконец, с помощью кавалерии 3-го корпуса. Более того, он полагал, что когда Наполеон употребит все войска, назначенные действовать против армии Багратиона, 3-й корпус Тучкова ударит внезапно в тыл. Когда явился генерал-квартирмейстер 2-й армии М.С. Вистицкий, молодой, беззаветно преданный Багратиону человек, и вновь заговорил об угрозе левому крылу, Кутузов, не скрывая досады, закричал: «Сам я знаю распоряжать. Неприятель, видишь, также нападает сильно на центр». Раздражение главнокомандующего было вызвано более всего тем, что он затруднялся найти объяснение «разжижению» (Ф. Глинка) фронта именно в том самом месте, где он ожидал самого сильного натиска. Французы, сбившись в колонну, ломились на самый край левого фланга, а пространство между батареями Раевского и деревней Семеновское оставалось пустым! Там, под огнем русских батарей, в полном бездействии стояли лишь неприятельские кавалерийские корпуса. Багратион же, по образному выражению Михайловского-Данилевского, «стоял в крови» против пехоты Даву, Нея и Жюно.

За спиной у Кутузова взволнованно переговаривалась свита. Беннигсен подошел к нему и громко заговорил по-французски, часто облизывая пересохшие губы, что являлось у него признаком самого большого волнения: «Если вы не хотите, чтобы ваш левый фланг был опрокинут с потерей орудий, поспешите послать туда все войска с правого фланга». Кутузов молчал. Накануне он уже одобрил распоряжение «длинного Кассиуса» передвинуть к Семеновскому полки лейб-гвардии Измайловский, Литовский и Финляндский, 1-ю сводно-гренадерскую бригаду, части гвардейской артиллерии. Там же уже

сражались кирасирские полки бригады Бороздина 2-го. Барклай, не обнаружив гвардии и доброй половины своей армии там, где он ее оставил вчера, резко выразил возмущение: «Следовательно, Кутузов и генерал Беннигсен считают сражение проигранным, а между тем оно едва только начинается. В 9 часов утра употребляю резервы...» Кутузов, как мог, успокоил Барклая, пообещав более не делать распоряжений в войсках его армии без его согласия. В это время его больше всего беспокоило, устоит ли Багратион против «усильнейшего нападения»? Русский главнокомандующий тогда еще не знал, что все происходящее на левом крыле является такой же неожиданностью для Наполеона, как и для него. Маршал Ней, вступив в командование войсками после ранения маршала Даву, пытался овладеть флешами Багратиона и самой деревней Семеновское, поразив одним ударом двойную цель. Он уже соединил все войска, бывшие у него под рукой, непомерно «усилив свой правый фланг». Успех казался близким и несомненным! Казалось, ничто не могло устоять против бешеного натиска. Но Багратион, «краса и гордость русской армии», не подвел! К этому часу он успел собрать к угрожаемому пункту все подчинившиеся и не подчинившиеся ему войска. По свидетельству очевидцев, он был тем человеком, «которым почти сверхъестественно держался левый фланг». Русские полки делали стремительные переходы, чтобы успеть встретить неприятеля достойно. «И те, которые приходили с свежего воздуха, видели, что над сражающимися лежала черная ночь. Входившим в темноту сражения казалось, что их вводили в черный веретень! Но рассуждению не было тут места! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб». Отборные полки 2-й гренадерской дивизии вы-

Макет Бородинского поля сражения.
Автор Д.Звягинцев. 1952 г.

били штыками Нея из Семеновского. Маршал уже просил ввести в бой гвардию. Контратака, возглавляемая лично Багратионом, простиралась почти до командного пункта Наполеона. Не видя в пороховом дыму происходившего на левом фланге, лишь прислушиваясь к грохоту почти 400 орудий, Кутузов ждал развязки.

Вот уже несколько раз к нему подходили генералы Ермолов и Кутайсов, умоляя светлейшего отпустить их к Багратиону. Кутузов молчал на просьбы Ермолова, а Кутайсова резко обругал, запретив ему отлучаться от себя, как будто предчувствуя скорую от самовольства гибель 28-летнего генерала. И вот с лицом, черным от пороха, в мундире, забрызганном кровью, появился из этого ада генерал-майор Бороздин 2-й и объявил сокрушительную новость, от которой ахнула свита за спиной главнокомандующего: «Тяжело ранен князь Петр Иванович Багратион!» Прибывавшие с левого фланга адъютанты и ординарцы называли в числе раненых имена генералов Сен-При, Горчакова 2-го, Бороздина 1-го, Карла Мекленбургского, Воронцова, Кретьова... «Душа будто отлетела от левого фланга», — вспоминал об этой минуте очевидец. Все крыло подалось назад, открывая продолжный выстрелам французской артиллерии батарею Раевского в центре. «Ключ позиции» тоже оказался в руках французов. На смену раненому Багратиону Кутузов отправил герцога Александра Вюртембергского, но тот, не доехав до места, увидев заваленные телами и разбитые ядрами укрепления, табуны лошадей с пустыми седлами, мечущиеся

по полю, сразу приказал войскам отступать. Кутузов понял свою ошибку, в ярости и при всех он поносил герцога самыми бранными словами. Он послал за ним сразу же нескольких адъютантов. Быстрым почерком он написал записку генералу Д.С.Дохтурову: «Хотя и поехал принц Вюртембергский на левый фланг, несмотря на то, имеете вы командовать всем левым крылом нашей армии и принц Вюртембергский подчинен вам. Рекомендую вам держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению». Полководец даже перепутал титул незадачливого родственника императорской фамилии, оказавшегося в недобрый час у него под рукой. Увидев возвращающегося герцога, он «переменил голос и вид и просил его больше не отлучаться, потому что советы его высочества были для него необходимы». Герцог тут же присоединился к свите, и за спиной у Кутузова они все уже обсуждали по-немецки и по-французски необходимость отступления. Кутузов как никогда сознал свое одиночество на командном пункте среди равных себе по чину. В то же время он ощущал, что его сердце билось в унисон с сердцами русских воинов, которые изо всех сил «заменяли любовью к Отечеству и жадной мщению» численное превосходство неприятеля. Они были «в полном уверенении на распорядительность мудрого, поседевшего в бранях полководца».

Кутузов подозвал Толя и, направляя его на левый фланг, сказал: «Карл, как ты скажешь, так я и сделаю». Вскоре на левый фланг был отправлен 2-й пехотный корпус, полки кото-

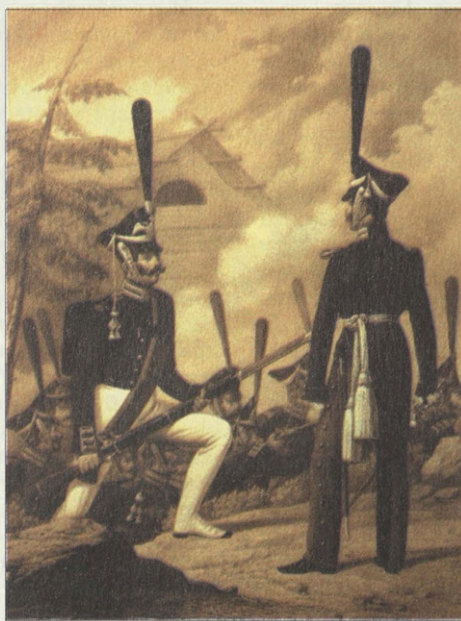
рого, спеша на помощь своим товарищам по оружию, бежали бегом мимо кургана, на котором стоял полководец. Кутузов осенял их вслед крестным знамением, громко желая победы. Слово «победа» в этой ситуации, казалось, звучало странно. Свита за спиной у Кутузова пожимала плечами. Наконец, Толь прислал известие о том, что позицию у Семеновского удалось восстановить, выровняв левое крыло по Семеновским высотам. Генералу Ермолову блистательной контратакой удалось вновь завладеть батареей Раевского. Неожиданно к Кутузову подъехал офицер с лицом, сияющим от счастья. Кутузов выслушал его в некотором отдалении от свиты, а затем, повернувшись к ней, сказал, что получил известие о пленении маршала Мюрата, короля Неаполитанского. Полководец предложил подождать подтверждения этому донесению и вскоре перед ним предстал бригадный генерал Бонами, захваченный в плен внутри центрального редута. По воспоминаниям историка И.П.Липранди, Кутузов встретил его душевно, предложил выпить для поправления здоровья несколько капель вина из своей фляги. Генерал залпом осушил два стакана.

Кутузов радостно потирал руки. Опыт подсказывал ему, что кризисный момент сражения миновал. Под впечатлением этих радостных событий, а также заметив скопление неприятельских сил в центре и у деревни Семеновское (в том самом месте, где он ожидал их в начале сражения), Кутузов согласился с предложением Толя нанести внезапный удар силами кавалерии по левому крылу наполеоновских войск. Это дало ему возможность укрепить центр и перегруппировать войска, получившие передышку на то время, пока Наполеон выяснял, откуда у него в тылу появились казаки. Во всяком случае, гвардию французский полководец решил в бой не вводить. Здесь, весьма некстати, подъехал генерал Вольцоген и заговорил от имени посланного его Барклая, что неприятель сбил с позиции наш ле-

вый фланг, угрожает центру и что генерал Барклай видел толпы отступающих русских солдат позади ставки Кутузова на Новой Смоленской дороге. Кутузов в гневе прогнал от себя Вольцогена, который не понимал, что русские должны выстоять прежде, чем он уведет их с позиции, которую дальше было удерживать за собой невозможно и бессмысленно. «Князь Кутузов тогда же начал диктовать адъютанту своему Кайсарову план завтрашней атаки, а мне приказал немедленно пересказать об оной изустно генералу Дохтурову. Я бросился выполнять сие повеление, в намерении сверх того известить об этом и все наши линии, зная совершенно, какое действие произведет сие на дух войск наших», — вспоминал генерал Н.Н.Раевский. Он, напротив, уверил Кутузова, что в делах нерешенных «упорнейший всегда остается победителем». Прибыв к деревне Семеновское, генерал Раевский застал генерала Дохтурова устало сидевшим на барабане посреди батальонного караула гвардейского полка. Дохтуров сообщил Раевскому, что неприятель ослабил атаки.

«Около пяти часов пополудни атаки прекратились. Ясно было, что армии расшиблись одна об другую... Увидев остановившегося посреди центра Кутузова со свитой, я подъехал туда... Он послал меня тогда поздравить начальников войск с отражением неприятеля и предварить о наступлении на него наутро», — вспоминал П.Х.Граббе. Полководец, не скрывая гордости за вверенные ему войска, сообщал императору в заключительных строках

Рядовые и обер-офицер гренадерских рот Л.-гв. Егерского полка. 1812–1814 гг.

Реляции о Бородинском сражении: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердости духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое Отечество».